

ФУНКЦИИ ВАНДАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОМ ПОВЕДЕНИИ: ОТ ЛИЧНОСТИ К ОБЩЕСТВУ

О. В. Кружкова¹, И. В. Воробьева², Р. Ю. Порозов³

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия.

E-mail: ¹galiat1@yandex.ru; ²lorisha@mail.ru; ³r.porozov@yandex.ru

Б. Зарбова

Софийский университет Св. Климента Охридского, София, Болгария.

E-mail: b.zarbova@gmail.com

Аннотация. Введение. Графический вандализм стал обычным явлением в современном городе. Традиционно он оценивался как негативное воздействие на среду обитания, которое приводит к различным материальным, визуальным и социальным деструкциям городского общественного пространства. Однако в последнее время наметился дискурс о позитивности и авантажности некоторых вандальных форм в виде граффити, изображений в стиле стрит-арта и пр. Вместе с тем серьезного обсуждения роли, значимости и последствий подобного вандализма для общественной и частной жизни учеными практически не ведется, хотя, как и любой социокультурный и социально-психологический феномен, вандализм имеет почву и несет определенные смысловые послылы.

Цель представленной в статье работы – выявление и описание функций графического вандализма с социокультурной и психологической точек зрения.

Методы и методики. Эмпирическое исследование проводилось в пространстве мегаполиса (г. Екатеринбург, Россия) посредством фотофиксации результатов вандальных актов (в общей сложности было сделано более 6000 снимков) с последующими трейс-оценкой и контент-анализом изображений.

Результаты и научная новизна. Выстроена и охарактеризована структура функционала вандализма, представленная на социально-средовом и индивидуально-субъектном уровнях. К первому уровню отнесены сигнализирующая и конструирующая функции, подготовка социальных изменений и управление общественными настроениями. На втором (индивидуально-субъектном) уровне выделены демонстративно-протестная функция, функции отреагирования, возмещения и самовыражения. Каждая из функций проиллюстрирована примерами визуальных репрезентаций. Сконструирована двумерная модель функций вандализма, в которой они распределены в простран-

ствах «конструирование / реконструирование», «эмоциональная регуляция / моральная регуляция». Показано, что любая функция вандальной активности на индивидуальном уровне становится своеобразным маркером «точек напряжения» на социально-средовом уровне.

Функциональное разнообразие вандализма становится причиной неоднозначного его восприятия и различных, иногда прямо противоположных оценок. Авторы приходят к выводу о том, что с позиций социума вандализм часто выглядит эволюционным инструментом управления общественным развитием, способным ослабить непроницаемость устоявшихся границ нормативности и традиционности, обеспечивающим пластичность культурной и материальной среды в условиях инновационных и мобилизационных изменений общества. С позиций личности это выход индивидуального поведения за официально предписанные границы активности рядового члена общества. Таким образом, вандализм как явление общественной жизни выступает одновременно и нормой, и девиацией, оценка которым дается в зависимости от функционального значения и субъектной принадлежности отдельного конкретного вандального акта.

Практическая значимость работы заключается в потенциальных возможностях использования полученных данных для совершенствования и оптимизации технологий управления вандальной активностью молодежи в пространстве мегаполиса, организации профилактики и сублимации деструктивных форм поведения молодых людей в городской среде.

Ключевые слова: молодежь, вандализм, городская среда, городская молодежь, функции вандализма, вандальное поведение, деструкция.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01278).

Для цитирования: Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю., Зарбова Б. Функции вандализма в молодежном поведении: от личности к обществу // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 10. С. 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120

FUNCTIONS OF VANDALISM IN YOUTH BEHAVIOUR: FROM PERSONALITY TO SOCIETY

O. V. Kruzhkova¹, I. V. Vorobyeva², R. Yu. Porozov³

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: ¹galial1@yandex.ru; ²lorisha@mail.ru; ³r.porozov@yandex.ru*

B. Zarbova

*Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria.
E-mail: b.zarbova@gmail.com*

Abstract. Introduction. Graphic vandalism has become a widespread phenomenon in the space of modern cities. Traditionally, vandalism has been assessed as a negative phenomenon, leading to the destruction of the material, visual and social environment of urban public space. Recently, however, the discourse on the positive meaning of certain forms of vandalism (graffiti, street art, etc.) has been activated. At the same time, there is no discussion of the role and influence of vandalism on public and individual life, although, like any socio-cultural and socio-psychological phenomenon, vandalism has the basis and carries certain messages.

The *aim* of this research was to identify and describe the functions of graphic vandalism, taking into account socio-cultural and socio-psychological aspects.

Methodology and research methods. The study was conducted in the spatial environment of the megalopolis (Ekaterinburg, Russia) by photographing results of vandal acts (more than 6000 photographs) with subsequent trace-assessment and content analysis of images.

Results and scientific novelty. The structural functions of vandalism at the socio-environmental and individual-subjective levels are identified and characterised. The signalling and designing functions, preparation of social changes and management of public mood are referred to the first level. At the second (individual-subjective) level, the demonstrative-and-protest function, functions of reactions, compensation and self-expression are allocated. The functions are illustrated with the examples of visual representations. A two-dimensional model of vandalism functions is formed, where the functions are distributed in the spaces of "construction / reconstruction", "emotional regulation / moral regulation". It is noted that any function of vandal activity at the individual level becomes a kind of marker "points of tension" at the socio-environmental level.

The functional variety of vandalism becomes the reason of its ambiguous perception with diverse and occasionally contradictory estimates. The authors came to the conclusion that vandalism is socially considered as the evolutionary managerial instrument of social development, which is capable to weaken impermeability of the normatively and traditionally established limits, providing adjustability of the cultural and material environment in the conditions of innovative and mobilisation changes of society. From the perspective of the personality, vandalism is concerned as individual behaviour over the socially defined limits of activity among ordinary members of the society. Thus, vandalism as the phenomenon of public life acts as a norm and a deviation, to which an assessment is given in dependence on functional significance and subject self-identification of the specific vandal act.

Practical significance. The research materials and the results obtained can be used to improve and optimise the technologies for management youth vandal activity in megapolises, for prevention and sublimation of destructive forms of youth behaviour in an urban environment.

Keywords: youth, vandalism, urban environment, urban youth, vandalism functions, vandal behaviour, destruction.

Acknowledgments. The research was performed with the financial support of the Russian Science Foundation (project № 17–18–01278).

For citation: Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu., Zarbova B. Functions of vandalism in youth behaviour: From personality to society. *The Education and Science Journal*. 2018; 10 (20): 95–120. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-95-120

Введение и обзор литературы

Сегодня практически в любом городском пространстве можно обнаружить следы вандальной активности жителей, прежде всего молодежи. Безусловно, интенсивность вандальных проявлений и их масштаб зависят от множества факторов: величины городского поселения, его социально-культурных особенностей, специфики «каркаса» (планировки) и «ткани» (архитектуры и строительного материала зданий) и пр. Однако в любом случае речь идет о каких-либо несанкционированных изменениях, повреждающих среду обитания:

- наносящих экономический ущерб городскому хозяйству [1];
- ухудшающих качество рекреационного пространства и угрожающих общественной безопасности [2];
- повреждающих или даже разрушающих природные и культурные памятники [3];
- нарушающих публичный порядок и оскорбляющих общественную нравственность [3];
- подрывающих институт собственности [4].

В этих контекстах вандализм рассматривается как «болезнь морали и тенденция к намеренному и сознательному уничтожению общественной собственности» [3, р. 5].

Деструктивные последствия визуальных следов вандализма проявляются не только в нарушении целостности городской материальной среды, но и в негативных социально-психологических и инвестиционно-экономических эффектах. Так, восприятие результата вандальных актов на различных объектах повышает уровень стресса [5], влияет на физическое здоровье [6] и снижает субъективное чувство благополучия горожан, особенно людей, испытывающих проблемы с соматическим здоровьем [7].

В то же время присутствие вандализма в социальном и материальном пространстве обитания человечества на всех этапах его исторического развития, распространенность и многоаспектность вандальных форм

и проявлений, а также иногда сложно различимая граница между отдельными актами вандализма и современным искусством [8] наводят на мысли о социальной обусловленности данного явления, его «востребованности» и особом значении для социума и человека в нем.

Общепризнанно понимание вандализма как «бессмысленного уничтожения культурных и материальных ценностей»¹, «преднамеренного действия по уничтожению или деформации не принадлежащей субъекту вандализма собственности» [9, р. 1]. Однако внешне оцениваемая «бессмысленность» зачастую имеет глубокую подоплеку и обоснованность подобных деструктивных действий молодого человека в социальной среде.

Материальные объекты являются выражением и продолжением культурной и социальной среды. Совершая акт вандализма, субъект воздействует на них, ожидая определенного результата [10]. Управление данными объектами дает субъекту возможность влиять на других людей, позволяет получить от них обратную связь в ответ на свои действия, иначе говоря – вступить в диалог.

М. Martha Gama-Castro и Е. Leon-Reyes интерпретируют некоторые виды вандализма как визуальную коммуникацию, либеральную и демократическую форму выражения, выходящую за рамки традиционного искусства [8].

А, например, D. Schotte определяет вандализм как «насилие в отношении вещей», используемое индивидом для психологического давления на другого человека или сообщество через уничтожение высокоценных для них объектов [11].

В научном и социальном дискурсах вандализм чаще всего сопровождается негативными коннотациями, но, как ни странно, практически не рассматривается его функциональное значение для общественных процессов, социализационных явлений и эволюционных изменений.

Вместе с тем в общественной практике появляется всё больше прецедентов, когда, по сути, вандальные действия интерпретируются с позиции социально одобряемых категорий активности – творчества, общественной инициативы, самовыражения, реализации пропаганды и пр. [12, 13]. Исходя из этого, односторонняя категоричность негативных оценок вандализма становится, очевидно, ошибочной. Его наличие в общественной жизни и индивидуальной практике деятельности субъекта несет в себе определенную смысловую нагрузку, понимание которой позволяет

¹ Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. Москва: Большая российская энциклопедия, 2002. 1456 с.

не только лучше осмыслить и изучить указанный феномен, но и управлять проявлениями деструктивной активности молодежи в городской среде.

Анализ как непосредственных актов вандализма, так и их интерпретации воспринимающими субъектами дает право утверждать, что глубинная суть вандализма – диалог между личностью / группой лиц и обществом. Осознанная целевая направленность на разрушение или преобразование указывает на протест и несогласие с чем-либо в общественной жизни.

Таким образом, акт вандализма – это особого рода сообщение, посылающий своего адресата, от которого ожидается обратная реакция: осуждение, удивление, общественный резонанс, наказание, поиск исполнителя и пр. – т. е. вступление в коммуницирование и взаимодействие. Именно коммуникация через инструмент ее реализации выступает основной сферой проявления социального отклонения (которым признается вандальное поведение) как социально-культурного конструкта [14]. В данном контексте вандализм может и должен выполнять ряд функций и с позиции субъекта (функций, связанных с его реализацией во внешней среде), и с позиции социального пространства его присутствия.

Материалы и методы

Целью изложенного ниже исследования стало выявление и характеристика функционального назначения вандализма как социокультурного и социально-психологического явления жизни городского сообщества.

Для реализации указанной цели были поставлены следующие исследовательские вопросы:

- 1) может ли вандализм в контексте отдельных функций рассматриваться не только как социально негативное явление?
- 2) в чем заключается специфика функций вандализма с позиций личности и социума?
- 3) как взаимосвязаны и взаимодействуют функции вандализма с позиций личности и социума?

Изучение функций вандализма в городском пространстве мегаполиса проводилось на фактологическом материале города Екатеринбурга (Россия), собранном в период с мая по июль 2017 г., и предварялось анализом современной научной литературы по психологии, культурологии, антропологии, социологии и философии.

В ходе работы применялись контент-анализ и трейс-оценка эмпирического материала (более 6000 фотофиксаций визуальных результатов вандальных актов по отношению к объектам городской среды Екатеринбурга).

Вандализм рассматривается нами прежде всего в качестве «формы воздействия субъекта на объекты городской среды (материальной, социальной, информационной и какой-либо иной), выражающейся в стремлении субъекта изменить актуальное ее состояние без соответствующих на это санкций со стороны другого субъекта, имеющего юридические права на эти объекты (ее собственника или управляющего)» [15, с. 229]. В социально-психологическом контексте обсуждаемое явление интерпретируется также как «расширение границ реализации субъектности индивида, реализуемой в деятельности и поведении, за формально устанавливаемые социумом пределы активности субъекта» [Там же, с. 229–230]. Вследствие этого функции вандализма могут быть ориентированы на удовлетворение потребностей как общества, так и отдельного человека – субъекта вандальной активности.

Результаты

Функции вандализма в социально-средовом измерении

Выделение в отдельную группу социально-средовых функций вандального поведения было обусловлено значимостью влияния пространственных систем на социальное поведение человека. Интерпретация этой совокупности функций вандализма позволяет описать динамику взаимоотношений между конкретным городом и его жителем. Причем, на наш взгляд, в данном случае необходимо не столько обращать внимание на деструктивный аспект подобной практики, сколько сделать попытку феноменологического и беспредпосылочного объяснения социального поведения современной городской молодежи, выражающегося через вандализм.

Следует признать, что любое отклонение от нормы, представленное в городском пространстве, – это потенциальный маркер и свидетельство изменений, происходящих в системе «человек – город» [16, р. 10].

В качестве социально-средовых функций вандализма мы выделяем сигнализирующую, конструирующую, подготовку к социальным изменениям и управление общественными настроениями. С одной стороны, эти функции универсальны: они атрибутированы и могут быть обнаружены в любой пространственной системе. С другой – социально-психологическая и социокультурная специфика конкретной пространственной системы, в том числе города, и активность в ней молодежи раскрываются именно благодаря указанным функциям.

Сигнализирующая функция носит рефлексивный характер и свидетельствует о «переживании среды» ее молодыми жителями. Так, Т. Н. Курбатова и Р. С. Васильева полагают, что графический вандализм есть ре-

зультат социальной аномии и вакуума – «отсутствия близких людей, положительных эмоций, а также социальных связей» [17, с. 23].

Одними из следствий ускоряющегося процесса урбанизации являются сегментация и анонимизация межличностных отношений. Однако вандализм может быть признаком и противоположной тенденции – попыткой зафиксировать чувство эмпатии и потребности в домостроении (одомашнивании) городского пространства. То есть происходит движение «от обратного», логика которого может быть прочитана следующим образом: «Если городское пространство обладает стрессогенным потенциалом, то мы можем его перекодировать в систему положительно воспринимаемых символов и знаков». В этом случае необходимо обращать внимание:

- 1) на тональность графических символов и знаков;
- 2) коммуникативную цель вандальной практики.

Тональность графического символа и знака выражает эмоциональное восприятие автором того или иного факта городской жизни – события, поступка, локации. В общем виде тональность может быть «положительной», «нейтральной» или «отрицательной». Коммуникативная цель определяет направленность вандальной практики на конкретный аспект городской жизни: социально-бытовой, общественно-политический либо экзистенциальный (вневременной, бытийный).

Например, на рис. 1 и 2 представлено «заочное» сражение двух политических идеологий. Данная репрезентация «сигнализирует», во-первых, о том, что две противоборствующие силы вступают в схватку и готовы об этом публично заявлять. Во-вторых, они внимательно наблюдают за действиями своих оппонентов и опровергают их, а вандальные репрезентации других форм городской культуры их просто не интересуют.

Рис. 1
Fig. 1

Рис. 2
Fig. 2

Примеры визуальной репрезентации сигнализирующей функции вандализма
Examples of visual representation signalling functions of vandalism

Сигнализирующая функция вандализма подчас выражается и в маркировании неблагополучия пространства или его непригодности, ограниченности для реализации потребностей человека. Тогда это может трактоваться как призыв к изменениям и преобразованиям общественного пространства города. В частности, Е. Ю. Витюк считает, что граффити в городской среде «призваны “одушевлять” безликие городские территории» [18, с. 43], вносить в среду какие-то опознавательные знаки, символы, элементы, указывающие на принадлежность этого пространства [Там же].

Вандализм может быть также своеобразным предъявлением прав на город и его территорию различными категориями жителей, например скейтбордистами, велосипедистами и пр., борющимися за пересмотр пространственной политики планирования и обустройства улиц, не приспособленных для альтернативных форм движения [19], и против допущения этих форм перемещения только в локальных точках [12].

Функция подготовки к социальным изменениям представляет собой попытку «прощупать почву» и определить общественные настроения, которые циркулируют в городском пространстве, с целью замены их на новые.

Р. К. Мертон, описывая типы нормативных конфликтов, утверждал, что их причина кроется в специфическом «изменении культурных целей и институционализированных средств» [20, с. 247]. Исследователь выделял пять типов таких конфликтов:

- «конформизм» (принятие целей и средств);
- «инновация» (принятие целей, но использование новых средств);
- «ритуализм» (принятие не целей, но лишь только средств);
- «бегство» (отказ от целей и средств);
- «мятеж» (отмена прежних целей и средств, замена их на новые).

В соответствии с каждым типом нормативного конфликта могут быть предложены объективные маркеры вандального поведения. При этом следует учитывать, что визуальные репрезентации вандализма носят спорадический (случайный) либо долговременный характер.

В первом случае вандальное поведение, скорее, демонстрирует индивидуальный «запрос» или отражает актуальную «повестку дня» малых социальных групп. Так, рис. 3 иллюстрирует «приклеивание» нового дискурса, отражающего нетерпимость к «инокультурным» феноменам, проникающим в пространство российского города.

Во втором случае графический вандализм может толковаться как «предупреждение» о четко наметившейся социальной тенденции. На рис. 4 представлен пример довольно распространенных граффити, традиционно

ассоциируемых с екатеринбургскими футбольными фанатами, отличающимися максимализмом и нетерпимостью к болельщикам других российских команд.

Таким образом, посредством вандализма становится возможным разрушение старых и продвижение новых форм работы с прошлым, традиционным и привычным, изменение исторической памяти, формирование новых социальных установок вопреки сложившимся общественным отношениям. Вандализм (особенно направленный против идеологических символов прошлого, ценностно значимых объектов старших поколений или неких аутгрупп) выступает в этом случае антикоммеморационным инструментом, модифицирующим объект в общественном пространстве и приписывающим ему новые значения для последующей его замены новым символом [21].

Рис. 3
Fig. 3

Рис. 4
Fig. 4

Примеры визуальной репрезентации функции подготовки к социальным изменениям
Examples of visual representation of functional preparation for social changes

Конструирующая функция вандализма отражает попытки создания самостоятельного, автономного «подпространства» исходя из эстетической и этической программ или идеологии, принятых в определенной молодежной культуре. Согласимся, что любой конструкт либо результат культуротворчества – материальный или духовный – воплощает в себе представления «о должном» (предмет этики) и «чувственно-эмоциональном» (предмет эстетики). Юношеский вандализм в контексте конструирующей функции – это легитимация (узаконивание) фундаментальных этических понятий (долга, справедливости, солидарности, дружбы), но с позиций представлений о них современных молодых людей и в той интерпретации, которую они считают правильной. Соответствующие проявления молодежного вандализма следует атрибутировать как вечную «битву поколений» (греч. «μάχη γενιάς»), или «конфликт отцов и детей».

Фотографии на рис. 5 и 6 экспонируют варианты сопротивления стереотипному девиантному поведению (алкоголизму) и стремлению пропагандировать с помощью вандальных актов здоровый образ жизни современного горожанина.

Рис. 5
Fig. 5

Рис. 6
Fig. 6

Примеры визуальной репрезентации конструирующей функции вандализма

Examples of visual representation of the designing function of vandalism

Классические эстетические категории «прекрасное – безобразное», «комическое – трагическое» и т. п., сформулированные еще Аристотелем, конструируют систему неутилитарных отношений – внутренних (между представителями молодого поколения) и внешних (между молодежью и другими социальными группами или институтами). Д. Гринбергер и В. Аллен, рассуждая об эстетической природе вандализма, утверждали, что это реализация «удовольствия, получаемого через разрушение» [22, с. 309]. Амбивалентная (двойственная) природа вандализма заключается в том, что одни и те же эстетические переживания могут служить одновременно и в равной степени стимулом и для создания нового объекта, и для деструктивной трансформации существующих вещей, предметов и конструктов.

Современная молодежь энергично вступает в диалог поколений, но не воспринимает культурные коды прошлого как сакральные и неприкосновенные системы и пытается радикально изменить их. Известный социолог Г. М. Маклюэн обозначил этот процесс как «графическую революцию» в нашей культуре [23, с. 262]. Очевидно, с ней, по крайней мере отчасти, и связана антиномичность публичного восприятия вандальной графики. Формально тот или иной объект (например, стены городских зданий) подвергается десрукции. Однако если визуальная репрезентация,

в частности граффити, вызывает у зрителя комплексные нетривиальные эстетические и этические переживания, то она в меньшей степени воспринимается как общественно опасное явление [8, 15].

Функция управления общественными настроениями состоит в социально-психологической компенсации отрицательных эмоций, которые типичны для современного горожанина. Вандальные практики снимают напряжение с помощью механизма распределения психической энергии во время акта физического действия. Как ни парадоксально, но в данном случае вандализм превращается в эффективный инструмент снижения тревожности его субъекта. Р. Мишар и Ю. Бангун, исследуя защитные механизмы, снижающие внешнее негативное влияние, отмечали, что сублимация «наиболее четко выражается в творческих культурных практиках» [24, с. 394].

Примером сублимации может служить визуальная репрезентация, представленная на рис. 7, где размещено изображение стилизованной банки супа Campbell's, ставшей иконой современного актуального искусства, идеологемой поп-арта.

Вандализм может быть способом снижения социального напряжения и формой «разрядки» отрицательных эмоций горожан. И, наоборот, с его помощью можно добиться усиления и распространения протестных идей, причем как через реализацию вандальных актов, так и посредством восприятия их результатов. Исходя из этого вандализм можно рассматривать как действенный и не поддающийся управлению политический инструмент выражения и формирования общественных настроений по поводу значимых для социума событий.

Например, исследования городских граффити в США доказали, что власти бессильны в установлении контроля над «уличным искусством», которое создает альтернативные социальные, культурные и экономические предпосылки и установки функционирования социума в условиях городской среды [25].

Тем не менее наблюдаются попытки муниципальных властей создать систему профилактических мер, направленных на коррекцию и предотвращение вандального поведения молодежи, найти способы трансформации деструктивной энергии и перенаправления ее в легальное поле через систему социально востребованных культурных практик. Например, в Екатеринбурге уже на протяжении нескольких последних лет проводится фестиваль «Стенограффия» по популяризации и легитимации уличного искусства (рис. 8).

Рис. 7
Fig. 7

Рис. 8
Fig. 8

Примеры визуальной репрезентации функции управления общественными настроениями

Examples of visual representation of functional management of public mood

На основе сказанного и приведенных примеров можно констатировать, что вандализм и близкие к нему культурные практики могут не только популяризировать негативные социальные явления, но и выполнять роль социальной рекламы, стимулируя определенные позитивные поведенческие реакции и формируя просоциальные намерения у зрителя.

Функции вандализма в индивидуально-субъектном измерении

Тем не менее субъектом вандальной активности всегда выступает личность, которая посредством данной, зачастую деструктивной для общества формы взаимодействия с окружающим пространством, решает свои индивидуальные задачи. Одна их часть связана с аспектами личностной самореализации, вторая обусловлена реагированием на изменения во внешней или внутренней среде самого человека. Рассматривая вандализм с этой точки зрения, можно выделить еще одну группу его функций, связанных с индивидуально-субъектными факторами.

Демонстрационно-протестная функция. Вандализм может служить инструментом выражения несогласия, протеста, оппозиционных взглядов. При этом преобразованиям могут подвергаться как объекты, наделенные конкретной символикой (памятники, религиозные учреждения, институты власти и т. п.) и связанные с определенными нишами жизнедеятельности отдельных групп населения, так и объекты, просто находящиеся в доступной для вандалов близости (стены, заборы, гаражи, подъезды жилых домов). Наглядные образцы визуальной репрезентации демонстрационно-протестной функции приводятся на рис. 9 и 10: на пер-

вом персонаж-полицейский изображен в сочетании с запретительной табличкой о стоянке машин; второй является стихийной агитацией за политического лидера.

Рис. 9
Fig. 9

Рис. 10
Fig. 10

Примеры визуальной репрезентации демонстрационно-протестной функции

Examples of visual representation of demonstration-and-protest function

А. С. Колосов объясняет появление подобных вандальных рисунков и надписей поиском нового культурного языка при невозможности понять и принять существующие ценности традиционной культуры [26]. Вместе с тем «художественное самовыражение» может быть своеобразным маркером личного «социального неравнодушия» по отношению к какой-либо острой проблеме, призывом к обществу обратить на нее внимание.

Так, некоторые исследователи считают вандализм одним из каналов донесения до сограждан позиции меньшинства, альтернативной формой информирования, противопоставляемой широко распространенным видам иного информационного контента (рекламе, моде и пр.) [19, 27].

А. Р. Москвина, описывая феномен граффити и его особенности в российских городах, отмечает разновидности графических форм, содержащих протестную символику и транслирующих конкретное оппозиционное мнение [28]. Действительно, демаршная деструктивная активность молодежи весьма разнообразна как по своему исполнению (от лозунгов и призывов до поджогов и разрушения), так и по семантике, которая может быть выражена посредством символов определенных молодежных субкультур, не содержащих лексических единиц, или нецензурной лексикой. Общими признаками для любого варианта протестного вандализма являются его публичное фрондерство и категоричность оценок.

Функция отреагирования. Вандализм способен снимать излишние негативные эмоции. Вандализм как субъект деструктивной активности снижает

энергетический накал своего психоэмоционального состояния путем переноса объекта разрушения с человека на окружающее пространство, т. е. перенаправляет агрессию на неодушевленные объекты городской среды.

Предметы и конструкты, подвергающиеся вандализму, могут быть связаны с источником негативных эмоций (человеком, ситуацией и пр.), а могут вообще не иметь к нему никакого отношения. В последнем случае разрушению либо преобразованию подвергается наиболее доступное пространство. Это могут быть культовые для конкретной субкультуры территории и объекты, места с низкой степенью социального контроля: пустыри, гаражные комплексы, промзоны и т. п. Например, объекты, зафиксированные на рис. 11 и 12, частично разрушены в зонах, доступных для вандала: у одного (торгового павильона) на нижнем уровне разбиты зеркальные поверхности, у второго (рекламы магазина) разорвана поверхность полотна.

Рис. 11
Fig. 11

Рис. 12
Fig. 12

Примеры визуальной репрезентации функции отреагирования
Examples of visual representation of responsive function

Возможным объяснением вандальных практик, выполняющих функцию отреагирования, является попытка замещения как механизма психологической защиты, позволяющей совладать с гневом на бессознательном уровне [29].

Исследования иранских ученых показывают, что дети и подростки менее склонны к разрушительной активности, если переживают субъективное чувство собственного благополучия, иначе – счастья, и не имеют проблем с социальной адаптацией к среде [3]. А ученые Германии и Сербии обнаружили связь между определенными личностными качествами негативной направленности (в частности, садизмом) и склонностью человека к совершению вандальных действий для получения удовольствия [9]. Вероятно, с одной стороны, существует некая индивидуально-психологи-

ческая предрасположенность личности к устойчивой определенной модели поведения или к излишней психологической защите себя, с другой – совершение вандальных актов может провоцироваться спецификой окружающей среды.

Функция возмещения. Проявления вандализма бывают способом компенсации социальной несправедливости, которая довольно чутко и остро воспринимается молодым поколением [30], особенно в периоды интенсивных социальных, политических и экономических преобразований. Посредством деструктивной активности, направленной на материальные объекты, которые являются атрибутами более успешной социальной группы или сообщества, наделенного какими-либо сверхправами, молодежь стремится восстановить справедливое, с ее точки зрения, распределение ресурсов и возможностей.

О. А. Гулевич вводит понятие «воздающей справедливости», которая допускает нанесение ущерба другим людям в ответ на их уже совершённые действия или те, которые гипотетически могут быть совершены [31]. Безусловно, диапазон вариативности и разнообразия форм подобных ответов весьма широк, и вандализм лишь один из возможных вариантов, а объекты вандальных атак зачастую теряют свою персонификацию. Кроме того, происходит обобщенное отнесение их к какой-либо социальной группе, исходя из самых упрощенных оценочных категорий – «свое / чужое», «хорошее / плохое», «бедное / богатое» и т. п.

Рис. 13 и 14 демонстрируют реализацию функции возмещения: на одном заснято здание барачного типа с лозунгом, сигнализирующим о социальной несправедливости; на другом критике подвергается конкретное профессиональное сообщество.

Рис. 13
Fig. 13

Рис. 14
Fig. 14

Примеры визуальной репрезентации функции возмещения
Examples of visual representation of compensative function

Функция самовыражения. Помимо негативного целеполагания вандализм как преобразование городской среды и ее объектов может подразумевать желание и потребность творческого самовыражения. Подобная функция очень часто реализуется через граффити, которое в качественном исполнении приобретает даже художественно-эстетическую ценность, позитивно меняя и украшая городскую среду.

В молодежной возрастной группе выделяется субкультура райтеров, представители которой позиционируют себя как граффити-художников и несанкционированно наносят рисунки на городские объекты с целью публичной демонстрации своих способностей и талантов, а также ради осуществления коммуникации как с членами собственного субкультурного сообщества, так и с более широким кругом горожан. Часто граффити располагаются в труднодоступных, но хорошо просматриваемых местах городского пространства (мосты, внешние стены верхних этажей многоэтажных домов и т. п.) [27].

Однако не только райтеры используют вандализм в качестве инструмента самовыражения и раскрытия креативного личностного потенциала. К этой модели самореализации могут прибегать другие, обычные горожане. На рис. 15 и 16 приводятся примеры такого материального воплощения творческих способностей: на одной фотографии на торце постройки изображен полет стаи птиц, на другой – дерево как символ жизни.

Рис. 15
Fig. 15

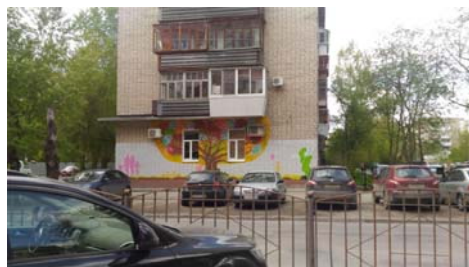

Рис. 16
Fig. 16

Примеры визуальной репрезентации самовыражения
Examples of visual representation of self-expression

Вместе с тем любую деструкцию и любое преобразование окружающего пространства без разрешения его собственника или управляющего принято относить к вандализму, даже если цель субъекта активности заключалась в совершенствовании окружающей среды и была обусловлена исключительно альтруистическими мотивами.

Обобщая все вышеперечисленные функции вандализма, мы построили схему, иллюстрирующую их соотношение по нескольким основаниям (рис. 17).

Рис. 17. Модель функций вандализма в пространстве взаимодействия личности и среды

Fig. 17. Model of vandal functions in the space of person-environment interaction

Во-первых, задачи, решаемые посредством деструктивной активности, можно дифференцировать по полюсам «реконструирование» и «конструирование». Один из них предполагает активное изменение уже преобразованной среды, причем, вероятнее всего, в направлении усугубления деструкции и окончательном разрушении объектов городского пространства. Второй – подразумевает, как правило, добавочные видоизменения, «украшающие» городские объекты. При конструирующем варианте обязательно актуализируется семантическая составляющая посылы, в отличие от вандализма реконструирующего типа, в котором преобладает цель уничтожения.

Во-вторых, функции вандализма разделяются по преобладающему вектору психической саморегуляции субъекта вандализма. В одном случае это домината эмоционально-чувственной сферы, в другом – когнитивно-нравственных, моральных устоев.

Ключевым, по нашему мнению, является логическое соответствие индивидуально-ориентированных функций вандализма социально-опосредованным функциям.

Например, функция отреагирования, решающая задачу снятия чрезмерного эмоционального напряжения, негативных эмоций закономерно пре-

образуется на социальном уровне в задачу передачи сообщения о неблагополучии материальной, социальной, информационной среды и человека в ней.

Стремление выразить себя, проявить творческий потенциал посредством вандальных актов на личностном уровне в социальном плане дает возможность управления общественными настроениями, поскольку содержание и смысл результата вандальных действий в этом случае имеет выраженную семантическую составляющую и может как отражать психоэмоциональное состояние среды, так и формировать его.

Несогласие, демонстрация и протест, выражаемые человеком с помощью деструктивной активности, на уровне общества трансформируются в потребность создания «своего» пространства в городе, что проявляется в виде концентрации отдельных вандальных форм в определенных территориальных зонах.

Поиск социальной справедливости и использование вандальных практик в качестве инструмента своеобразной компенсации в социальном контексте преобразуются в создание условий для подготовки общественных изменений.

Причем, если индивидуально-ориентированная функция вандализма направлена на обозначение актуальных и острых проблем, то на общественном уровне она будет способствовать обобщению и формированию единой социальной позиции.

Таким образом, любая из функций вандальной активности на индивидуально-субъектном уровне становится своеобразным маркером «точек напряженности» на социально-средовом уровне.

Обсуждение и заключение

Неоднозначное понимание вандализма в социуме создает почву для дискуссии о его оценке, значении и функциях в современном мире.

С позиции многих представителей общественности вандализм – социально значимое явление, которое не обязательно содержит в себе деструктивный элемент. Нередко вандальные практики в форме граффити, стрит-арта, городского перформанса возводятся в ранг произведений искусства, признаются образцами современной городской культуры и оцениваются иными категориями, нежели «нормативность / девиантность», «хорошо / плохо», «правильно / неправильно» и др.

Вместе с тем, безусловно, есть акты вандализма, которые вызывают однозначное негативное отношение и осуждение той же общественностью. В частности, к ним принадлежат варварские разрушения надгробий, памятников, произведений искусства, культовых объектов.

Существует и еще один аспект обсуждаемого явления – фоновый вандализм, наличие которого в городском пространстве практически не оценивается, так как не замечается жителями и, как правило, воспринимается как нечто обыденное. Обычно наиболее чувствительными к вандальным повреждениям бывают люди, не знакомые со средой данного пространства, впервые попавшие в другой город или другую его часть. Тем не менее даже для привычного человека различного рода нарушения целостности материального и социального пространства определенного городского района или локации становятся фактором повышенного уровня тревожности и маркером неблагополучия.

Большинство людей примиряют с вандализмом признаваемая за ним социальная значимость и его функциональное разнообразие. Именно поэтому он возводится в ранг неизбежных, а следовательно, «нормальных» явлений городской жизни. А в некоторых случаях, исходя из идеологических соображений или иных причин и настроений, возникающих в обществе, он начинает расцениваться как прогрессивное и позитивное явление, дающее возможность повысить динамичность городской среды, «обновить» ее, сделать более современной и конгруэнтной изменившимся социальным условиям и требованиям.

Однако человек, совершающий вандальный акт, – это все же девиантная личность. Он может быть одаренным художником, творцом, борцом за справедливость и высшие идеалы, революционером, политическим активистом, но так или иначе он всегда предпринимаемыми действиями противопоставляет себя традиционным ценностям общества. Такой субъект нередко сам осознанно отделяет себя от социума, внутренне не соглашаясь с установленными в нем границами своей самореализации. Как правило, вандальные действия превращаются в своеобразную «репетицию», «первую пробу» на пути противостояния личности сложившимся к определенному моменту нормативным требованиям. Отсутствие соразмерного наказания, а в некоторых случаях даже одобрение и восхищение со стороны окружающих – «значимых других» – не только закрепляет девиантную модель поведения, но и усугубляет тяжесть последующих проявлений девиантности.

Подводя итог нашим рассуждениям, можно резюмировать, что с позиций социума вандализм часто выглядит эволюционным инструментом управления общественным развитием, способным ослабить непроницаемость устоявшихся границ нормативности и традиционности, обеспечивающим пластичность культурной и материальной среды в условиях инновационных и мобилизационных изменений общества. В то же время

с позиций личности это выход индивидуального поведения за предписанные социумом границы активности рядового члена общества. Следовательно, вандализм как явление общественной жизни выступает одновременно и нормой, и девиацией, оценка которым дается в зависимости от функционального значения и субъектной принадлежности отдельного конкретного вандального акта.

Список использованных источников

1. Оболенская А. Г. Вандализм как институциональная ловушка // Труды VIII Всероссийского симпозиума по экономической теории: доклады секционных заседаний. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2018. С. 111–112.
2. Lin M. S., Yu H., Zeng Y. F., Xiao X. N., Wang K. Y. A study on the influence mechanism of vandalism intention of outbound tourists based on extended theory of planned behavior model // *Applied Ecology and Environmental Research*. 2018. № 16 (5). P. 5955–5969.
3. Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E., Abshorshori N., Akbari L., Faramarzian Z., Zakeri M. The relation of social happiness and adjustment with vandalistic behaviour of the children and young adults in the families under supervision of welfare office // *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. 2018. № 12 (8). P. LC05–LC09.
4. Павлов В. Г. Вопросы ответственности за вандализм в зарубежном уголовном законодательстве // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2014. № 25 (4). С. 95–100.
5. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Жданова Н. Е. Подростковый и юношеский вандализм: оценка стресс-факторов городской среды как возможный предиктор деструктивного поведения // *Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2018. № 28 (4). С. 390–396.
6. Robinette J. W., Charles S. T., Gruenewald T. L. Neighborhood cohesion, neighborhood disorder, and cardiometabolic risk // *Social Science and Medicine*. 2018. № 198. P. 70–76.
7. Ellaway A., Morris G., Curtice J., Robertson C., Allardice G., Robertson R. Associations between health and different types of environmental incivility: A Scotland-wide study // *Public Health*. 2009. № 123 (11). P. 708–713.
8. Martha Gama-Castro M., León-Reyes F. Bogotá arte urbano o graffiti. Entre la ilegalidad y la forma artística de expresión [Bogota urban art o graffiti. Between illegality and artistic form of expression] // *Arte, Individuo y Sociedad*. 2016; 28 (2): 355–369.
9. Pfattheicher S., Keller J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism // *Personality and Individual Differences*. 2018. (в печати).
10. Злоказов К. В., Каппушев С. С. Представление о цели деструктивного поведения // *Прикладная юридическая психология*. 2018. № 1. С. 93–100.

11. Schotte D. Raped statues and murdered ideas: Remarks on the concept of «Violence against things» [Geschändete Statuen und getötete Ideen: Kritische Anmerkungen zur Rede von «Gewalt gegen Sachen»] // Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie. 2018. № 104 (1). P. 84–102.
12. Cassar J., Cremona G. It's not vandalism, it's our leisure: A multimodal study of skate park graffiti // Xuan Paradis (editor), Minda Matthew (editor) Graffiti: Vandalism, Street Art and Cultural Significance. New York: Nova Science Publishers Inc., 2018. P. 65–90.
13. Пенетова Е. В. Граффити как средство массовой коммуникации // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 12. С. 136–138.
14. Блинова О. А., Журавлева Л. А., Кружкова Т. И., Оболенская А. Г. Организационная девиантность: социально-философский анализ // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 7–18.
15. Кружкова О. В., Воробьева И. В., Порозов Р. Ю. Социально-средовые и индивидуально-субъектные функции вандализма в городской среде // Социальная и экономическая психология. Ч. 2: Новые научные направления / отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. Москва: Институт психологии РАН, 2018. С. 229–235.
16. Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. Edited by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London; New York: Taylor & Francis e-Library, 2005. 1016 p.
17. Курбатова Т. Н., Васильева Р. С. Граффити: субкультура или вандализм // Психология и право. 2013. № 2. С. 22–32.
18. Витюк Е. Ю. Городская среда как арт-объект // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 364. С. 43–48.
19. Stratford E. Mobilizing a spatial politics of street skating: Thinking about the geographies of generosity // Annals of the American Association of Geographers. 2016. № 106 (2). P. 350–357.
20. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва: АСТ; АСТ МОСКВА; ХРАНИТЕЛЬ, 2006. 873 с.
21. Радченко Д. А. «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова / сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова (отв. ред.). Москва: Форум, 2016. С. 435–461.
22. Allen V. L., Greenberger D. B. An aesthetic theory of vandalism // Crime & Delinquency. 1978. № 24 (3). С. 309–321.
23. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. Москва; Жуковский: КАНОН-пресс Ц; Кучково поле, 2003. 464 с.
24. Mishar R., Bangun Y. R. Create the EQ modelling instrument based on Goleman and Bar-on models and psychological defense mechanisms // Procedia-Social and Behavioral Sciences. 2014. № 115. P. 394–406 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro> (дата обращения: 11.10.2018)
25. Ferrell J. Urban graffiti crime, control, and resistance // Youth and Society. 1995. № 27 (1). P. 73–92.

26. Колосов А. С. История граффити-движения и его современные российские особенности // Вестник славянских культур. 2012. № XXV. С. 45–49.
27. Скорик А. В. Граффити как субкультура вызова и протеста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 63–69.
28. Москвина А. Р. Искусство граффити в Татарстане: к вопросу о терминологии, бытовании и тенденциях развития // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 2 (76). С. 144–148.
29. Plutchik R. A Theory of Ego Defenses // Ego defenses: theory and measurement / ed. by H. R. Conte and R. Plutchik. New York: Wiley, 1995. P. 13–37.
30. Зараева Л. В. Социальная справедливость как мера равенства и свободы // Безопасность Евразии. 2008. № 2 (32). С. 273–286.
31. Гулевич О. А. Социальная психология справедливости. Москва: Институт психологии РАН, 2011. 284 с.

References

1. Obolenskaya A. G. Vandalism as an Institutional Trap. In: *Trudy VIII Vserossijskogo simpoziuma po jekonomicheskoj teorii: doklady sekcionnyh zasedanij = Works of the VIII All-Russian Symposium on Economic Theory: Reports of Sectional Meetings*; 2018 Sep 26–27; Ekaterinburg. Ekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences; 2018. p. 111–112. (In Russ.)
2. Lin M. S., Yu H., Zeng Y. F., Xiao X. N., Wang K. Y. A study on the influence mechanism of vandalism intention of outbound tourists based on extended theory of planned behaviour model. *Applied Ecology and Environmental Research*. 2018; 16 (5): 5955–5969. DOI: 10.15666/aeer/1605_59555969
3. Bazrafshan M.-R., Abdi A., Masmouei B., Kavi E., Abshorshori N., Akbari L., Faramarzian Z., Zakeri M. The relation of social happiness and adjustment with vandalistic behaviour of the children and young adults in the families under supervision of welfare office. *Journal of Clinical and Diagnostic Research*. 2018; 12 (8): LC05-LC09. DOI: 10.7860/JCDR/2018/35184.11916
4. Pavlov V. G. Issues of liability for vandalism in foreign criminal legislation. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy juridicheskoy akademii = Bulletin of the St. Petersburg Law Academy*. 2014; 25 (4): 95–100. (In Russ.)
5. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Zhdanova N. E. Teenage and youth vandalism: assessment of stress factors of the urban environment as a possible predictor of destructive behaviour. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2018; 28 (4): 390–396. (In Russ.)
6. Robinette J. W., Charles S. T., Gruenewald T. L. Neighborhood cohesion, neighborhood disorder, and cardiometabolic risk. *Social Science and Medicine*. 2018; 198: 70–76. DOI: 10.1016/j.socscimed.2017.12.025
7. Ellaway A., Morris G., Curtice J., Robertson C., Allardice G., Robertson R. Associations between health and different types of environmental inci-

vility: A Scotland-wide study. *Public Health*. 2009; 123 (11): 708–713. DOI: 10.1016/j.puhe.2009.09.019

8. Martha Gama-Castro M., León-Reyes F. Bogotá arte urbano o graffiti. Entre la ilegalidad y la forma artística de expression = Bogota urban art o graffiti. Between illegality and artistic form of expression. *Arte, Individuo y Sociedad*. 2016; 28 (2): 355–369. DOI: 10.5209/rev_ARIS.2016.v28.n2.49933

9. Pfattheicher S., Keller J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences*. 2018. DOI: 10.1016/j.paid.2018.03.049 (to appear)

10. Zlokazov K. V., Kappushev S. S. The idea of the goal of destructive behaviour. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya = Applied Legal Psychology*. 2018; 1: 93–100. (In Russ.)

11. Schotte D. Geschändete Statuen und getötete Ideen: Kritische Anmerkungen zur Rede von “Gewalt gegen Sachen” = Raped statues and murdered ideas: Remarks on the concept of “Violence against things”. *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie*. 2018; 104 (1): 84–102. DOI: 10.25162/arsp-2018-0005

12. Cassar J., Cremona G. It’s not vandalism, it’s our leisure: A multimodal study of skate park graffiti. Ed. by Paradis X, Matthew M. Graffiti: Vandalism, Street Art and Cultural Significance. New York: Nova Science Publishers Inc.; 2018. p. 65–90.

13. Penetova E. V. Graffiti as a means of mass communication. *Alleya nauki = Science Alley*. 2017; 1 (12): 136–138. (In Russ.)

14. Blinova O. A., Zhuravleva L. A., Kruzhkova T. I., Obolenskaya A. G. Organizational deviance: A socio-philosophical analysis. *Sotsium i vlast’ = Socium and Power*. 2018; 4 (72): 7–18. (In Russ.)

15. Kruzhkova O. V., Vorobyeva I. V., Porozov R. Yu. Social’no-sredovye i individual’no-sub’ektnye funktsii vandalizma v gorodskoj srede = Social-environmental and individual-subjective functions of vandalism in the urban environment. *Social’naja i jekonomicheskaja psihologija. Ch. 2: Novye nauchnye napravlenija = Social and Economic Psychology. Part 2: New scientific directions*. Ed. by Yu. V. Kovaleva, T. A. Nestik. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2018. p. 229–235. (In Russ.)

16. Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. Ed. by Alan Barnard and Jonathan Spencer. London; New York: Taylor & Francis e-Library; 2005. 1016 p.

17. Kurbatova T. N., Vasilyeva R. S. Graffiti: Subculture or Vandalism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 2013; 2: 22–32. (In Russ.)

18. Vityuk E. Yu. The urban environment as an art object. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Bulletin*. 2012; 364: 43–48. (In Russ.)

19. Stratford E. Mobilizing a spatial politics of street skating: Thinking about the geographies of generosity. *Annals of the American Association of Geographers*. 2016; 106 (2): 350–357. DOI: 10.1080/00045608.2015.1100062

20. Merton R. Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow: Publishing House ACT; AST MOSCOW; HRANITEL'; 2006. 873 p. (In Russ.)
21. Radchenko D. A. "Looks like a human being now": Soviet monuments of Ukraine and Russia in a conflict context (2013–2015). In: *Genius Loci: Sbornik statej v chest' 75-letija S. Ju. Nekljudova = Genius Loci: Collection of articles in honor of the 75th birthday of S. Yu. Neklyudov*. Ed. by M. V. Akhmetova, N. V. Petrov, O. B. Khristoforov (ex. editor). Moscow: Publishing House Forum; 2016. p. 435–461. (In Russ.)
22. Allen V. L., Greenberger D. B. An aesthetic theory of vandalism. *Crime & Delinquency*. 1978; 24 (3): 309–321. DOI: 10.1177/00112877802400305
23. McLuhan G. M. Ponimaniye Media: Vneshniye rasshireniya cheloveka = Understanding Media: External Human Extensions. Trans. from English by V. Nikolaev; 3kl. Art. M. Vavilova. Moscow; Zhukovski: Publishing Houses KANONpress C; Kuchkovo pole; 2003. 464 p. (In Russ.)
24. Mishar R., Bangun Y. R. Create the EQ modelling instrument based on Goleman and Bar-on models and psychological defense mechanisms. *Procedia-Social and Behavioral Sciences* [Internet]. 2014 Feb 21 [cited 2018 Oct 11]; 115: 394–406. Available from: <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2014.02.446>
25. Ferrell J. Urban graffiti crime, control, and resistance. *Youth and Society*. 1995; 27 (1): 73–92. DOI: 10.1177/0044118X95027001005
26. Kolosov A. S. The history of the movement's graffiti and its modern Russian characteristics. *Vestnik slavyanskikh kul'tur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2012; XXV: 45–49. (In Russ.)
27. Moskvina A. R. Art of graffiti in Tatarstan: On the issue of terminology, existence and development trends. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice*. 2017; 2 (76): 144–148. (In Russ.)
28. Skorik A. V. Graffiti as a subculture of challenge and protest. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2016; 1 (21): 63–69. (In Russ.)
29. Plutchik R. A Theory of ego defenses. Ego defenses: theory and measurement. Ed. by H. R. Conte and R. Plutchik. New York: Wiley; 1995. p. 13–37.
30. Zaraeva L. V. Social justice as a measure of equality and freedom. *Bezopasnost' Yevrazii = Security of Eurasia*. 2008; 2 (32): 273–286. (In Russ.)
31. Gulevich O. A. Sotsial'naya psikhologiya spravedlivosti = Social psychology of justice. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2011. 284 p. (In Russ.)

Информация об авторах:

Кружкова Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой акмеологии и психологии среды Уральского государственного педагогического университета; Researcher ID 56662123100, ORCID ID 0000-0002-2569-8789; Екатеринбург, Россия. E-mail: galiat1@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, директор центра культурно-образовательных проектов Уральского государственного педагогического университета; Researcher ID 56662082000, ORCID ID 0000-0003-0561-3888; Екатеринбург, Россия. E-mail: lorisha@mail.ru

Порозов Роман Юрьевич – кандидат культурологии, доцент кафедры акмеологии и психологии среды Уральского государственного педагогического университета; ORCID ID 0000-0003-1932-1624; Екатеринбург, Россия. E-mail: r.porozov@yandex.ru

Зарбова Бисерка – аспирант Софийского университета Св. Климента Охридского, София, Болгария. E-mail: b.zarbova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 21.07.2018; принята в печать 14.11.2018.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Olga V. Kruzhkova – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University; Researcher ID 56662123100, ORCID ID 0000-0002-2569-8789; Ekaterinburg, Russia. E-mail: galiat1@yandex.ru

Irina V. Vorobyeva – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Director of the Center of Cultural and Educational Projects, Ural State Pedagogical University; Researcher ID 56662082000, ORCID ID 0000-0003-0561-3888; Ekaterinburg, Russia. E-mail: lorisha@mail.ru

Roman Yu. Porozov – Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Department of Acmeology and Environmental Psychology, Ural State Pedagogical University; ORCID ID 0000-0003-1932-1624; Ekaterinburg, Russia. E-mail: r.porozov@yandex.ru

Biserka Zarbova – PhD Student, Sofia University St. Kliment Ohridski, Sofia, Bulgaria. E-mail: b.zarbova@gmail.com

Received 21.07.2018; accepted for publication 14.11.2018.
The authors have read and approved the final manuscript.